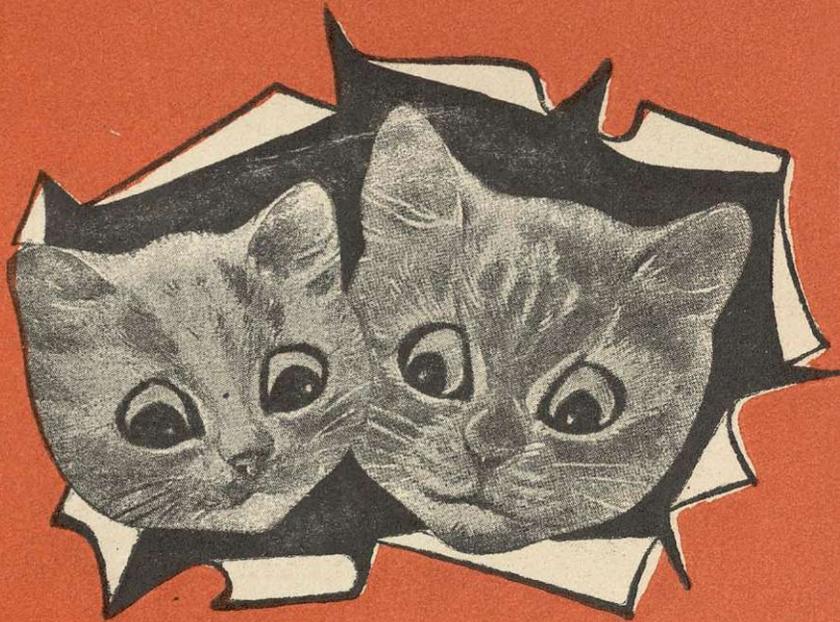

Годъ изданія четвертый.

ІЮНЬ.

№ 15.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАЗСКАЗЪ СТРАУСА.
ЛѢТНЕЕ УТРО.
БЕЗЪ СЕРДЦА.
ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ.
ТЕТЯ-ДОРА (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дача для склеиванія.
Въ тепломъ гнѣздышкѣ—
листь 9-й.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Продолжается подписка

на художественно-литературный журналъ для дѣтей

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ). При кажд. нум. приложеніа.

Подписана цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ ТРИ руб. 80 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

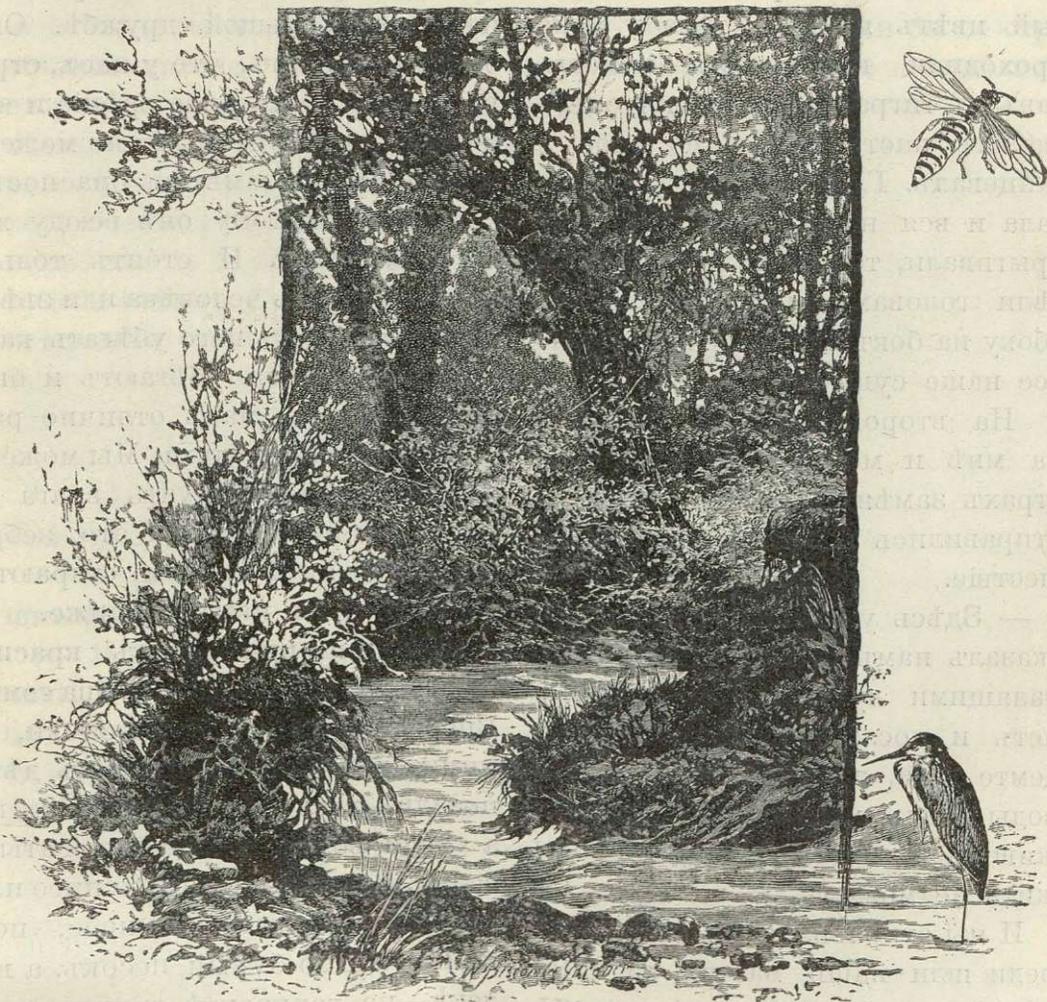
== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

РАЗСКАЗЪ СТРАУСА.

Когда я только что появился на свѣтъ и вышелъ изъ яйца, то я представлялъ собою прелестное созданіе съ длинной шейкой и на высокихъ ножкахъ. Крыльевъ у меня не было вовсе. Мое кругленькое тѣльце было все покрыто щетинкой и походило на ежа. Щетинка эта была окрашена въ желтый цвѣтъ и вдоль тѣла у меня проходили коричневые полосы, какъ у тигра. Отецъ меня очень любилъ, часто игралъ со мною и танцевалъ. Глядя на него, танцевала и вся наша семья. Мы подпрыгивали, топотали ногами, вертели головами и раскачивались сбоку на бокъ и счастье наполняло все наше существо.

На второмъ мѣсяцѣ щетинка на мнѣ и моихъ братьяхъ и сестрахъ замѣнилась перьями и мы отправились всѣ въ дальнее путешествіе.

— Здѣсь уже мало стало воды, сказалъ намъ отецъ.—Скоро подъ палящими лучами солнца изсякнетъ и послѣдняя. Поэтому пойдемте туда, гдѣ теперь еще много воды. Вѣдь мы, страусы, хотя и живемъ въ пустынѣ, но безъ воды жить не можемъ.

И мы отправились въ путь. Впереди шли наши матери, за ними цѣлой кашей бѣжали слѣдомъ мы,

ихъ дѣти, а позади всѣхъ важно шествовалъ нашъ отецъ. Это былъ прекрасный страусъ, ростомъ больше сажени въ вышину, весь черный, съ роскошными, бѣлоснѣжными перьями на бокахъ и на хвостѣ. Невдалекѣ отъ насъ брело стадо пестрыхъ зебръ. Эти дикія лошадки уже давно живутъ съ нами въ большой дружбѣ. Онѣ отлично знаютъ, что у насъ, страусовъ, замѣчательное зрѣніе и что ни одна птица пустыни не можетъ такъ издалека замѣтить опасность, какъ мы. Поэтому онѣ всюду ходятъ за нами. И стоить только намъ замѣтить человѣка или звѣря и броситься отъ него убѣгать, какъ вмѣстѣ съ нами убѣгаютъ и онѣ. Кромѣ того, у насъ отлично развиты обоняніе и слухъ. Мы можемъ слышать или зачуять врага за цѣлыя семь верстъ. И это зебры цѣнятъ въ насъ и потому стараются держаться къ намъ поближе.

Я припоминаю, какъ красиво шествовала по пустынѣ наша семья. Впереди — всѣ сѣрыя самки, за ними — всѣ желтыя мы, ихъ дѣти, позади — весь черный нашъ отецъ, а сзади всѣхъ — стадо полосатыхъ зебръ. Надъ нами — ярко синее пламенное африканское небо, подъ нами — желто-бурый песокъ, а вдалекѣ — на горизонтѣ группы высо-

кихъ пальмъ, высоко, чуть не подъ небесами, шелестящихъ своими остролиственными вѣтвями.

Мы шли и пощипывали попадавшуюся намъ по пути чахлую травку, подбирали ползавшихъ по землѣ насѣкомыхъ и маленькихъ ящерицъ. Если мы проходили мимо высокихъ кустарниковъ или деревьевъ, то взрослые страусы срывали съ ихъ вѣтокъ листочки и бросали ихъ намъ, такъ что и мы были сыты, и они. Иногда случилось такъ, что нашъ отецъ вдругъ останавливался, оглядывался по сторонамъ и нюхалъ воздухъ. Затѣмъ, точно испугавшись чего-то, онъ вдругъ бросался бѣжать со всѣхъ ногъ и всѣ мы бѣжали, едва поспѣвая за нимъ и сами не зная, куда и зачѣмъ. И все время зебры слѣдовали за нами. Мы бѣжали такъ цѣлые часы, едва касаясь земли, пока наконецъ, не уставали и не останавливались отдыхать.

— Уфъ, говорилъ нашъ отецъ.— Наконецъ-то ушли!

— А отъ кого мы убѣгали? спрашивали мы.

— Я замѣтилъ на горизонтѣ льва. Если-бы мы не убѣжали, то онъ подкрался-бы къ намъ и схватилъ-бы какую-нибудь изъ зебръ. Насъ-то ему не поймать, потому что мы бѣгаемъ скорѣе, чѣмъ онъ, а вотъ зебрамъ было-бы не добраться.

И точно въ благодарность нашему отцу, всѣ зебры лежали тутъ-

же, около насъ, отдыхали и ласково шевелили ушками.

Черезъ недѣлю мы пришли въ такую мѣстность, гдѣ было много воды. Текли ручейки и сверкали своими струями на солнцѣ. Но по прежнему кругомъ была пустыня съ такою-же чахлою травой и съ такими-же кустарниками. Мы, страусы, не прихотливыя животныя, можемъ быть сыты небольшимъ количествомъ пищи, но пустыня для насъ необходима. Мы очень пугливы. Мы умерли-бы со страха, если-бы намъ часто попадались на пути живыя существа.

— Ну, теперъ пейте побольше! обратился къ намъ отецъ.— Видите, сколько здѣсь воды!

И мы всѣ набросились на воду. Мы пили ее съ наслажденіемъ, долго, чуть не цѣлый часъ, позабывъ отъ удовольствія все на свѣтѣ. Казалось, что если-бы кто-нибудь изъ людей пришелъ сюда и захотѣлъ насъ переловить, то онъ могъ-бы всѣхъ насъ взять живьемъ.

— Пейте, пейте, говорилъ намъ отецъ.— Только не очень увлекайтесь! Ужъ сколько страусовъ погибло во время водопоя! Человѣкъ знаетъ, какъ мы любимъ пить воду, и часто насъ подстерегаетъ гдѣ-нибудь около ручья!

И онъ при этомъ боязливо оглядѣлся по сторонамъ и понюхалъ воздухъ.

На этомъ новомъ мѣстѣ мы прожили годъ. Зебры тоже поселились

вмѣстѣ съ нами. Къ концу этого года мы, молодежь, выросли уже настолько, что насъ трудно уже было отличить отъ взрослыхъ страусовъ. Только опытный наблюдатель могъ-бы указать, кто именно изъ насъ старикъ и кто молодой. И теперь я замѣтилъ странную особенность. Я былъ самецъ и потому былъ весь покрытъ черными перьями, но большинство изъ насъ были сѣрыя самки. Только у самокъ—сѣрыя перья. Мы стали подсчитывать и оказалось, что въ нашемъ стадѣ на каждого одного самца приходится по шести самокъ.

— Такъ бываетъ и всегда? спросилъ я у отца.

— Всегда, отвѣтилъ онъ.—Въ этомъ отношеніи мы похожи на индюковъ или куръ. Тамъ всегда на цѣлое стадо полагается одинъ пѣтухъ или индюкъ, но тамъ это дѣлаетъ человѣкъ самъ, сѣдая лишнихъ самцовъ, у насъ-же страусовъ, это дѣлаетъ сама природа. Богъ устроилъ такъ, что у страусовъ всегда рождается самцовъ гораздо меньше, чѣмъ самокъ.

Затѣмъ отецъ сталъ устраивать себѣ гнѣздо. Онъ разгребъ своими сильными лапами песокъ, сдѣлалъ углубленіе, огородилъ его со всѣхъ сторонъ невысокимъ валомъ изъ песку-же и гнѣздо было готово. Въ него стали нести яйца всѣ его шесть самокъ по очереди. Каждая снесла по шести яицъ. Яйца были громадны. Въ каждомъ изъ нихъ

могло-бы съ успѣхомъ помѣститься штукъ 25—30 куриныхъ яицъ. Скорлупа на нихъ была бѣлая, толстая, шероховатая. Когда яйца были снесены, то усѣлся на нихъ нашъ отецъ и сталъ ихъ высиживать. Всѣ шесть его самокъ въ это время гуляли въ сторонѣ, вмѣстѣ съ зебрами и съ нами, и мирно щипали траву и клевали насѣкомыхъ и ящерицъ. Отецъ сидѣлъ на гнѣздѣ очень своеобразно: онъ съежился весь въ комокъ, взъерошилъ перья, такъ что былъ похожъ на обожженный солнцемъ кустъ жимолости, и вытянулъ далеко впередъ, прямо по песку, свою длинную шею. Казалось, что это вовсе была не шея, а выползала изъ кустарника змѣя. И въ довершеніе сходства, когда проходила мимо беззаботная зебра, которая могла-бы его неосторожно потревожить, онъ шевелилъ этой шеей и шипѣлъ, какъ змѣя. Зебра пугалась и убѣгала.

Пока нашъ отецъ сидѣлъ такимъ образомъ на яйцахъ, мы не отходили отъ него далеко и часто купались. Въ нашемъ ручьѣ было большое углубленіе, похожее на бассейнъ или прудокъ, въ которомъ была удивительно прозрачная, кристальная вода. Онъ былъ довольно глубокъ, но всѣ камешки на его днѣ и ракушки были видны отчетливо. Въ этомъ-то прудкѣ мы и купались. Мы входили въ него по самую голову, нѣжились въ его

струяхъ, жадно глотали изъ него воду и плескались, насколько то позволяли намъ наши крылья. И было забавно смотрѣть съ берега, какъ по всей поверхности этого прудка плавали однѣ только маленькія головки страусовъ: все тѣло и всѣ шеи ихъ были подъ водой.

Въ одно изъ такихъ купаній отецъ не выдержалъ и вскочилъ съ гнѣзда.

— Надоѣло! воскликнулъ онъ.— Надо немножко поразмяться!

Онъ уложилъ въ гнѣздѣ всѣ яйца такъ, что они стояли на своихъ кончикахъ, и засыпалъ ихъ горячимъ пескомъ.

— Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? спросилъ я у матери.

— Ему надо немножко походить, отвѣтила она, — а то у него отекли ноги отъ долгаго сидѣнья. Пока онъ будетъ гулять, яйца будутъ согрѣвать теплый песокъ.

Отецъ побѣгалъ немного вокругъ гнѣзда, выкупался въ прудкѣ, поигралъ съ нами и съ зебрами и, когда наступилъ вечеръ и песокъ сталъ остывать, разгребъ изъ подъ него яйца, усѣлся на нихъ и снова сталъ ихъ высиживать.

И чѣмъ ближе подходило время къ появленію на свѣтъ цыплятъ, тѣмъ онъ становился все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе и наконецъ окончательно сошелъ съ гнѣзда.

— Я сижу на яйцахъ уже шесть недѣль, обратился онъ къ своимъ самкамъ. — Мнѣ надоѣло. Васъ

всѣхъ у меня шестеро. Пусть каждая сидитъ теперь по одному дню!

И всѣ шесть самокъ замѣнили его и всѣ послѣдніе шесть дней сидѣли на яйцахъ вмѣсто него каждая по очереди.

Послѣднею сидѣла моя мать. Какъ разъ въ тотъ самый день, когда она сидѣла, изъ яицъ вылупились маленькіе страусики, такіе же забавные, какимъ когда-то былъ и я. Мы всѣ такъ обрадовались, что стали танцовать. Страусы всегда выражаютъ свою радость танцами.

— Я доволенъ! говорилъ мой отецъ.—Я доволенъ! Теперь у меня громадная семья!

Пока мы такъ радовались и танцовали, случилось вдругъ ужасное событіе. Заржали зебры и насторожили уши. На горизонтѣ показались всадники. Они мчались прямо къ намъ. Не могло быть никакого сомнѣнія, что они замѣтили насъ издалека и рѣшили захватить насъ въ плѣнъ. Въ это время моя мать еще досиживала послѣднія яйца. Заслышавъ топотъ и завидѣвъ всадниковъ, мы такъ перепугались, что едва могли тронуться съ мѣста.

— Спасайтесь! Убѣгайте! закричалъ намъ отецъ.—Убѣгайте, насколько хватить у васъ силъ.

— А какъ-же ты? спросилъ я его.

— Я останусь здѣсь и буду защищать свое гнѣздо!

Мы бросились вразсыпную въ

разныя стороны. Но отбѣжавъ съ версту, я остановился и поглядѣлъ на отца. Онъ гордо стоялъ около своего гнѣзда, защищая грудью мою мать и цыплятъ. Вокругъ него кольцомъ столпились зебры и, — умныя животныя! — задними ногами отбивали нападеніе охотниковъ! Онѣ знали, что защищали своего вожака!

Но въ это время появились вдругъ два охотника, ѣхавшіе на прекрасныхъ быстроногихъ лошадяхъ. Завидѣвъ меня, они направились ко мнѣ. Я испугался, задрожалъ отъ страха и побѣжалъ безъ оглядки, куда глядѣли глаза. Охотники помчались за мной. Я напрягъ всѣ свои силы и бѣжалъ такъ быстро, какъ только могъ; мои ноги на бѣгу едва касались земли, я дѣлалъ прыжки по двѣ сажени шириною, кустарники мелькали мимо меня такъ, что я едва ихъ примѣчалъ, но они гнали своихъ лошадей и не отставали отъ меня ни на шагъ. Подъ конецъ они такъ утомили меня, что у меня не хватило силъ, ноги едва несли меня и въ груди не помещалось мое дыханіе. Я сталъ уставать. А они все ближе и ближе подбѣзжали ко мнѣ и я понималъ теперь, что мнѣ не сдобровать. И чтобы не видѣть этихъ ужасныхъ людей и лошадей, которые приводили меня въ трепеть, я собралъ остатокъ своихъ послѣднихъ силъ, добѣжалъ до одинокой пальмы,

спряталъ за нее свою голову и зажмурилъ глаза.

— Глупая птица! вдругъ услышалъ я около себя голосъ одного изъ охотниковъ. — Она спрятала голову за стволъ пальмы и думаетъ, что спряталась вся!

А другой остановилъ около меня свою лошадь, прыгнувъ съ нея и подошелъ ко мнѣ.

— Прекрасный самецъ! — воскликнулъ онъ. Такого-то намъ и нужно!

Затѣмъ они спутали мнѣ веревкой ноги, какъ это дѣлаютъ люди съ лошадьми, проткнули мнѣ чѣмъ-то острымъ ноздри, продѣли сквозь нихъ шнурокъ и повели меня за собой. Мы, страусы, — кроткія животныя и я покорно побрелъ за ними, какъ собачка на веревочкѣ.

Шли мы двое сутокъ, въ которыя мнѣ ужасно хотѣлось пить. Одна изъ лошадей наступила мнѣ копытомъ на большой палецъ на ногѣ и я хромалъ. У насъ на ногахъ только по два пальца, не такъ, какъ у всѣхъ прочихъ птицъ, и потому я едва брелъ: мнѣ больно было ступать.

Къ концу вторыхъ сутокъ меня привели въ какое-то селеніе, гдѣ и по улицамъ, и въ особыхъ загонахъ бродило множество другихъ страусовъ; они съ любопытствомъ смотрѣли на меня и нѣкоторые изъ нихъ покачивали головами.

— Ага! говорили они. — И ты попался!

А другіе мнѣ кричали черезъ заборъ:

— Иди къ намъ! Попросись къ намъ! У насъ хорошо!

Мнѣ было странно, что я видѣлъ здѣсь такую массу страусовъ, которые мирно бродили по улицамъ, повидимому, были довольны своею жизнью и не хотѣли въ пустыню. И когда меня помѣстили въ одномъ изъ загоновъ, развязали мнѣ ноги и оставили съ другими страусами одного, то я спросилъ:

— Почему васъ здѣсь такъ много?

— Мы все ручные! отвѣтили мнѣ страусы. — Большая часть изъ насъ здѣсь и родилась! Но ты — дикій еще, у тебя прекрасныя перья, потому тебя и поймали!

Скоро я сталъ привыкать къ неволѣ и если-бы не тоска по пустынѣ, по своимъ роднымъ, то я, пожалуй, ничего лучшаго и не желалъ-бы. Четыре раза въ годъ насъ стригли. У насъ отрѣзали перья на крыльяхъ и на хвостахъ и бережно складывали ихъ въ картонки и увозили куда-то далеко.

— Зачѣмъ имъ нужны наши перья? спрашивалъ я у своихъ товарищей по неволѣ.

— Какъ зачѣмъ? удивлялись они. — А развѣ ты не знаешь, что собственно для этого насъ и держать въ плѣну? Вѣдь жены и до-

чери людей очень любятъ носить на шляпкахъ наши перья!

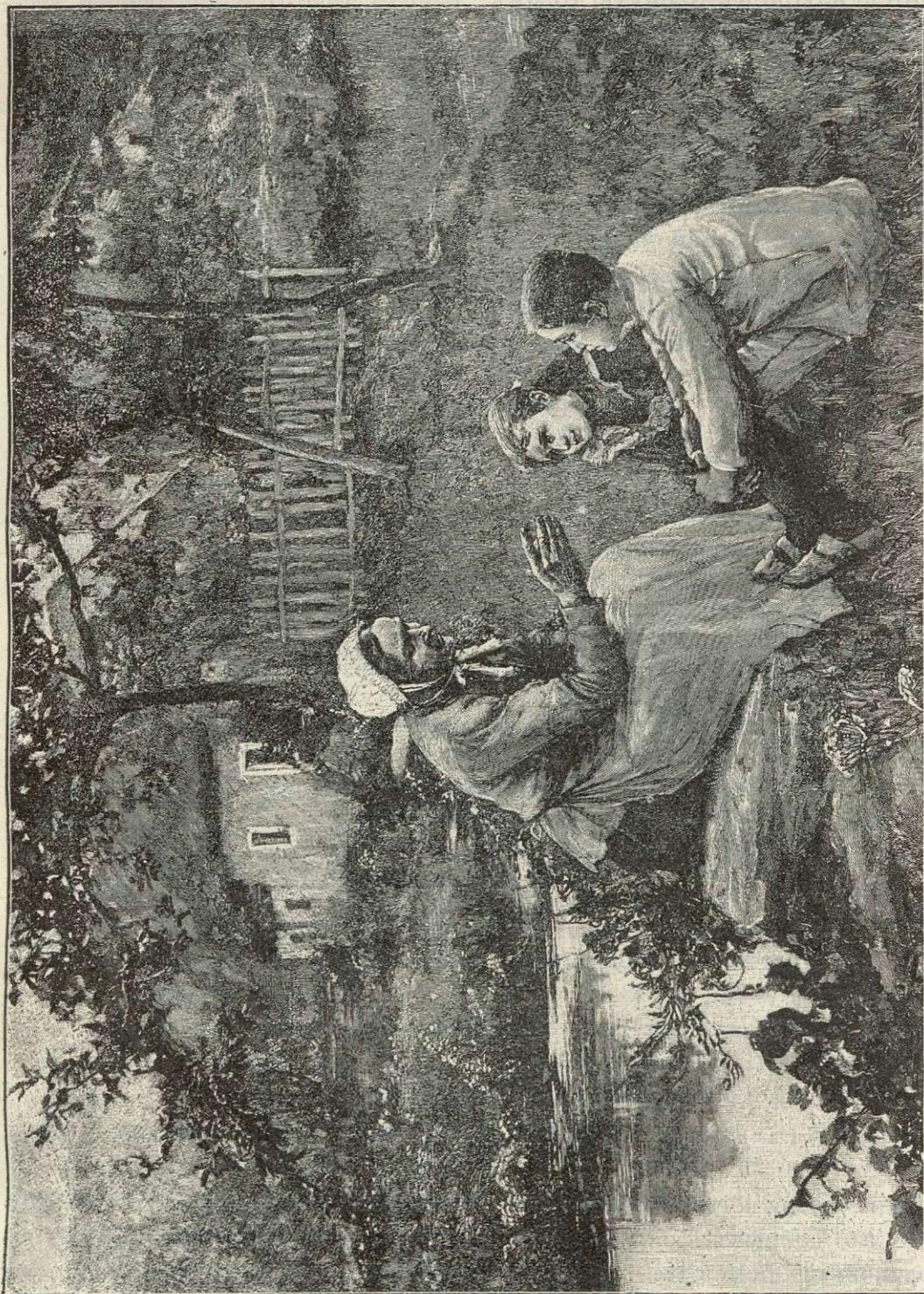
Мнѣ было грустно, что изъ-за такихъ пустяковъ насъ лишали свободы, но дѣлать было нечего и я покорился своей судьбѣ.

Шли годы. По мѣрѣ того, какъ я старѣлъ, перья на мнѣ становились все хуже и хуже. На новомъ мѣстѣ у меня появилась своя семья, у меня были свои очаровательныя цыплятки и человѣкъ былъ доволенъ, что я увеличилъ его хозяйство. Но когда перья на мнѣ перестали уже годиться для продажи, то меня стали запрягать въ телегу, какъ лошадь, и возили на мнѣ то воду, то хворостъ, то кирпичи. Вожжи были продѣты мнѣ сквозь ноздри и куда человѣкъ дергалъ за нихъ, туда я и шелъ. Иногда онъ садился на меня верхомъ и катался на мнѣ по окрестностямъ. И я бѣгалъ стрѣлою, какъ въ былые дни, и мнѣ пріятно было поразмяться послѣ тѣсной, скупенной жизни въ неволѣ.

Когда-же я постарѣлъ настолько, что пересталъ уже и возить, то меня продали содержателю звѣринца, долго возили съ мѣста на мѣсто, и вотъ я здѣсь. Мнѣ холодно, тоскливо, я не помню, когда-бы у меня не зябли здѣсь ноги, и часто, засунувъ голову подъ крыло, я стараюсь заснуть, но не могу. Ревъ звѣрей и музыки беспокоятъ меня и сонъ бѣжитъ отъ моихъ глазъ. Когда-же мнѣ

Подъ покровительствомъ сильного друга.

Интересная сказка.

удается наконецъ заснуть, то мнѣ отецъ, ярко-голубое небо и веселится моя милая, родная, жаркая лья, полосатыя зебры.
Африканская пустыня, мои мать и Гдѣ-то они теперь?

С. Вершининъ.

Л Ъ Т Н Е Е У Т Р О .

Какъ пышно за ночь распустились розы!
Какой стоитъ повсюду ароматъ!
Чуть солнышко взошло, а синія стрекозы
Ужъ рѣютъ надъ рѣкой и пчелы ужъ летятъ.
Блестятъ вездѣ алмазныя росинки:
Почной туманъ осѣлъ ужъ надъ травой.
Не дуетъ вѣтерокъ, но чуткія осинки
Нѣтъ-нѣтъ и шевельнуть молоденькой листвою.
Мычатъ вдали стада. Коровы и овечки
Ужъ побрели пастись до полдня на лужокъ,
Проснулись рыбаки въ шалашикѣ у рѣчки
И вышли съ неводомъ на влажный бережокъ...
Запахло дымомъ. Печки затопили,
Отъ хлѣба свѣжаго понесся ароматъ...
Вдругъ что хлопнуло: то дѣтки ужъ открыли
Окошко въ дѣтской и на дворъ глядятъ.
„—Уже? Что рано такъ проснулись?
Бѣгите отъ окна! Ложитесь снова спать!“
Они-жъ лукаво всѣ переглянулись
И стали весело и звонко хохотать,
И шумною толпой по лѣстницѣ, чрезъ сѣнцы
Они бѣгутъ, кричатъ... Стучатъ ихъ каблукы...
И, взявши второпяхъ одно лишь полотенце,
Бѣгутъ всѣ вчетверомъ умыться изъ рѣчки.

Кузнечикъ.

Б Е З Ъ С Е Р Д Ц А .

Сказка.

Давно-давно, когда еще люди вѣ- Она была красива, какъ майское
рили въ добрыхъ фѣй, лѣшихъ, утро. Ея длинныя, доходившіе до
карликовъ и домовыхъ, жила на пола волосы, были похожи на
свѣтъ одна прекрасная принцесса. волны изъ чистаго золота. Ея

алыя губки выдѣлялись на рѣдкой бѣлизнѣ ея лица, какъ ягодка спѣлой малины на снѣгу. Ея большіе, быстрые глаза сверкали, какъ два крупные брилліанта. Но взглядъ этихъ очей былъ холодный и надменный, выраженіе лица принцессы было жесткое и равнодушное и никогда ни одна слезинка не появлялась у ней на глазахъ, ни малѣйшая радость не оживляла ея лица.

Такъ тянулось уже пятнадцать лѣтъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она родилась и какъ ея мать— королева, склонившись надъ ея колыбелью, умоляла пришедшихъ на крестины ея дочери фей, награждать дѣвочку всевозможными дарами.

— Она будетъ прекрасна, сказала одна изъ нихъ.

— Она будетъ богата, сказала другая.

— Она будетъ талантлива, пообѣщала третья,—и способна на всякія искусства.

— Она будетъ всегда здорова и не состарѣется никогда.

Мать-королева слушала ихъ и печально качала головой.

— А избавить-ли все это ее отъ страданій? спросила она.

— Отъ страданій? удивились феи.—Конечно, нѣтъ! Развѣ мы можемъ научить человѣка не страдать? На то онъ и человѣкъ, чтобы умѣть страдать!

— А я могу! послышался вдругъ чей-то незнакомый голосъ.

Все обернулись и увидали какую-то другую, неизвѣстную фею, которая стояла передъ ними въ роскошномъ нарядѣ и держала въ рукахъ ящичекъ изъ слоновой кости и золотой ключикъ.

— Кто-бы ни была ты, дорогая фея, обратилась къ ней королева-мать,—но если ты можешь, то, умоляю тебя, огради мою дочь отъ будущихъ страданій!

— Хорошо, отвѣтила незнакомая фея.—Она не будетъ страдать ни духомъ, такъ ей обѣщаны уже и умъ и талантъ и способности, ни тѣломъ, такъ какъ ей обѣщаны уже и здоровье, и постоянная молодость. Слѣдовательно, она можетъ страдать только сердцемъ. Не такъ-ли, дорогія мои сестры?

— Такъ, такъ! отвѣтили все феи разомъ.

— Какъ-же теперь поступить? спросила королева-мать.

— Надо вырѣзать изъ нея сердце, холодно отвѣтила незнакомая фея.

— Какой ужасъ! воскликнула мать.

— Почему? Развѣ ей сердце для чего-нибудь будетъ нужно? Оно только причинитъ ей лишнія страданія. Я берусь ее отъ нихъ избавить. Я выну изъ нея ея сердце, положу его вотъ въ этотъ ящичекъ изъ слоновой кости, запру его и ключикъ повѣшу ей-же на шею. А вотъ—перстень. Когда принцесса вырастетъ большая, то

можетъ надѣвать его себѣ на палець. На немъ вырѣзано мое имя. Стоитъ только ей захотѣть повидаваться со мной и надѣть себѣ на палець это кольцо, какъ она тотчасъ-же окажется у меня во дворцѣ. Тамъ будетъ храниться этотъ ящичекъ съ ея сердцемъ и будетъ ждать ея дальнѣйшихъ распоряженій. Если она пожелаетъ, то сможетъ даже взять свое сердце къ себѣ обратно.

— Хорошо, согласилась королева.

— Такъ оставьте меня одну съ ребенкомъ.

Королевѣ было страшно, но желаніе избавить свою дочь отъ страданій въ жизни переселило въ ней ея страхъ и она вышла въ другую комнату. Всѣ феи послѣдовали за ней.

Когда она возвратилась обратно къ своей дочери, то дѣвочка спала. Около нея уже не было никого и только золотой ключикъ, висѣвшій у ребенка на шеѣ, и драгоценный перстень, лежавшій на столѣ около колыбели, говорили о томъ, что здѣсь только что былъ кто-то чужой.

Къ пятнадцати годамъ принцесса выровнялась въ прекрасную, стройную дѣвушку. Всѣ феи сдержали свои обѣщанія: она никогда не хворала, была умна, поражала всѣхъ своими познаніями и талантами и никогда ничто ея не возмущало.

Она находила себя счастливой и всѣ придворные были того-же мнѣнія о ней, и только одна королева-мать что-то замѣчала и отъ огорченія глубоко-глубоко вздыхала. Видя, какъ ея дочь равнодушно относится къ бѣднымъ, и къ животнымъ, она стыдилась и за нее, и за себя и уже раскаивалась въ томъ, что когда-то согласилась на то, чтобы у ея дочери было вырѣзано сердце.

Однажды она увидала, какъ принцесса, еще ребенкомъ, выщипывала изъ живой птички перья съ цѣлью узнать, будетъ-ли ей больно или нѣтъ? Съ холоднымъ вниманіемъ дѣвочка слѣдила за движеніями птички.

— Что ты дѣлаешь? воскликнула мать.—Развѣ ты не видишь, какъ страдаетъ божія тварь?

— Страдаетъ? спросила принцесса, широко раскрывъ свои прекрасные глаза.—Что такое „страдаетъ“?

Мать подошла къ ней и вырвала у нея изъ головы волосокъ. Принцесса вскрикнула.

— Что, больно? отвѣтила она.—Такъ-же точно больно и птицѣ.

— Но вѣдь перья сощипываютъ съ нея, а не съ меня! равнодушно возразила принцесса.

Тогда королева поняла, что это оттого, что у принцессы не было сердца, отошла въ сторону и горько заплакала.

Въ другой разъ принцесса на

глазахъ у матери разорила птичье гнѣздо. Съ жалобными криками несчастная птица летала вокругъ своей разорительницы и старалась вырвать изъ ея рукъ своихъ птенцовъ.

— Злая дѣвочка! крикнула королева.—Развѣ ты не видишь, какъ ей жаль своихъ дѣтей?

— Жаль? отвѣтила принцесса.—А что такое „жаль“? Почему ей жаль своихъ птенцовъ?

— Но если-бы тебя разлучили со мной, неужели тебѣ не было-бы жутко разстаться со мной? Неужели ты меня не любишь?

— Я не понимаю тебя, мама, сказала равнодушно принцесса,—ты все говоришь какими-то загадками! Объясни пожалуйста, что такое любить?

И въ этотъ разъ королева горько зарыдала.

Однажды принцесса гуляла по саду и раздумывала о той трогательной исторіи, которую ей только-что передъ этимъ рассказала ея мать. Въ исторіи этой говорилось объ одной дѣвушкѣ, которая геройски пожертвовала своей жизнью для спасенія своихъ родителей.

— „Какъ это странно“ подумала принцесса.—„Я всегда думаю только объ одной себѣ, а вотъ эта дѣвушка, о которой говорила мнѣ мама, только и думала, что о другихъ... Но глупая, какъ она могла пожертвовать собою для

своихъ отца и матери? Почему я не похожа на нее? Почему я не такая, какъ и всѣ? Я счастлива и не плачу, а другіе несчастны и плачутъ... Почему-же имъ лучше, чѣмъ мнѣ?“

Она прошлась взадъ и впередъ по аллеѣ и продолжала:

— „А все-таки я чувствую, что мнѣ чего-то не достаетъ... Что-бы это такое было?“

И она отправилась къ матери и спросила ее, почему она не такая, какъ и всѣ?

Тогда королева рассказала ей, какъ она родилась, какъ къ ея колыбели собрались всѣ феи и дѣлали ей подарки и какъ, желая избавить ее отъ неизбѣжныхъ для всѣхъ людей страданій, она, ея, несчастная, мать, позволила одной изъ фей вырѣзать у ея дочери сердце и унести его съ собой въ ящичкѣ изъ слоновой кости.

— Впрочемъ, если ты хочешь, обратилась она къ дочери, — ты можешь отправиться его искать... Стоитъ только тебѣ надѣть на палецъ твой волшебный перстень!..

Принцесса задумалась. Вечеромъ она вышла одна на балконъ, надѣла себѣ на палецъ кольцо и проговорила:

— Я хочу возвратить себѣ обратно мое сердце!

И вдругъ безъ всякихъ усилій съ ея стороны, она оказалась у какого-то незнакомаго роскошнаго

дворца, высѣченнаго изъ розоваго мрамора. Оконъ въ немъ не было, но вмѣсто нихъ сверкали вдѣланные въ него брилліанты и топазы. Дѣвушка поднялась по ступенямъ и постучалась въ дверь. Была глубокая ночь, но было свѣтло отъ сверкавшихъ драгоценныхъ камней. Дверь отворилась и волны яркаго, ослѣпительнаго свѣта ринулись на принцессу. Она прищурилась, пришла въ себя и увидала передъ собою ту самую фею, которая вырѣзала изъ нея когда-то ея сердце.

— А, здравствуй! весело обратилась къ ней фея.—Наконецъ-то пришла и ты! Ну, что скажешь? Довольна-ли ты своей судьбой?

Принцесса опустила глаза.

— Мнѣ грустно, что я не такая, какъ и всѣ, отвѣтила она.—Я пришла за своимъ сердцемъ.

— За сердцемъ? удивилась фея.— Вотъ удивительно!.. Развѣ тебѣ такъ хочется страданій? Но пусть будетъ по твоему! Войди ко мнѣ. Твое сердце лежитъ вотъ въ этомъ ящичкѣ изъ слоновой кости, а ключъ отъ него у тебя на шеѣ.

Дѣвушка быстро подошла къ ящичку.

— Одну минуту! удержала ее фея.—Прежде чѣмъ ты возьмешь себѣ обратно свое сердце, я хочу показать тебѣ, что такое жизнь съ сердцемъ и жизнь безъ сердца.

И она коснулась ея своей волшебной палочкой.

— Засни! приказала она.

Принцесса заснула. Когда она проснулась, то фея все еще стояла около нея.

— Ну, что ты видѣла во снѣ? спросила ее фея.

— Я видѣла людей, отвѣчала дѣвушка, у которыхъ такъ-же, какъ и у меня, не было сердца! Они не знаютъ, что такое страданія, за то имъ неизвѣстна и чистая искренняя радость. Я видѣла тѣхъ, которые изъ-за минутнаго удовольствія мучаютъ близкихъ имъ людей. Такіе люди не плачутъ никогда. Наоборотъ, я видѣла и такихъ, у которыхъ есть сердце и которые поэтому часто плачутъ, но за то и слезы ихъ бываютъ сладкими. Они съ радостью жертвуютъ собою за другихъ, потому что ихъ любятъ. Ихъ страданія приносятъ утѣшеніе и имъ самимъ, и другимъ. Они трудятся съ утра и до вечера, ихъ тяжкій трудъ представляетъ для нихъ страданіе, но они не боятся его, потому что ихъ трудъ кормитъ около нихъ другихъ лицъ и это доставляетъ имъ радость. Ихъ страданія приближаютъ ихъ къ Богу, потому что они понимаютъ своихъ ближнихъ и умѣютъ имъ сочувствовать и плакать ихъ горю. Я видѣла что, всѣ безъ сердца—насилъники, а всѣ съ сердцемъ—жертвы. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я, совершенно того не сознавая, не понимаю страданій и несчастія своихъ

ближнихъ, требую отъ всѣхъ себѣ поклоненія и удивленія передъ моимъ умомъ и красивой внѣшностью. Я часто заставляла другихъ проливать слезы тогда, какъ должна была-бы проливать ихъ сама. Теперь я хочу научиться страдать, любить ближняго, въ свою очередь быть жертвой людей безъ сердца, чтобы понимать, что такое несчастья и страданія другихъ, и чтобы, сознавая счастье своихъ ближнихъ, найти въ этомъ счастье и для себя самой... Отдай-же мнѣ мое сердце назадъ!

Фея смотрѣла на нее съ насмѣшливымъ огонькомъ глазахъ.

— Отдать тебѣ обратно твое сердце? спросила она. — Ты хочешь возратить его назадъ? А что ты мнѣ дашь взаменъ его? Отдай за него твою красоту.

— Изволь! рѣшительно отвѣтила принцесса.

Когда принцесса увидала себя снова у себя во дворцѣ, то въ груди у нея уже билось ея сердце; но за то она лишилась своей красоты. Она отыскала свою мать. Та не узнала ее, такъ она перемѣнилась за какой-нибудь одинъ часъ. Въ порывѣ нахлынувшей вдругъ нѣжности принцесса бросилась къ ней на шею стала ее цѣловать въ губы,

въ глаза, слезы заструились у нея по щекамъ и она поняла, какое горе причиняла ей до сихъ поръ своими холодностью и заботами только объ одной себѣ. Мать прижимала ее къ сердцу, удивлялась происшедшей въ ней перемѣнѣ и только повторяла:

— Неужели это ты? Неужели это ты?

А она плакала, припадала къ ея груди и говорила:

— Мама, дорогая мама! Теперь я уже съ сердцемъ, я больше не безсердечна, я умѣю любить и готова за тебя пострадать. Я хочу трудиться, работать, посвятить свою жизнь другимъ.

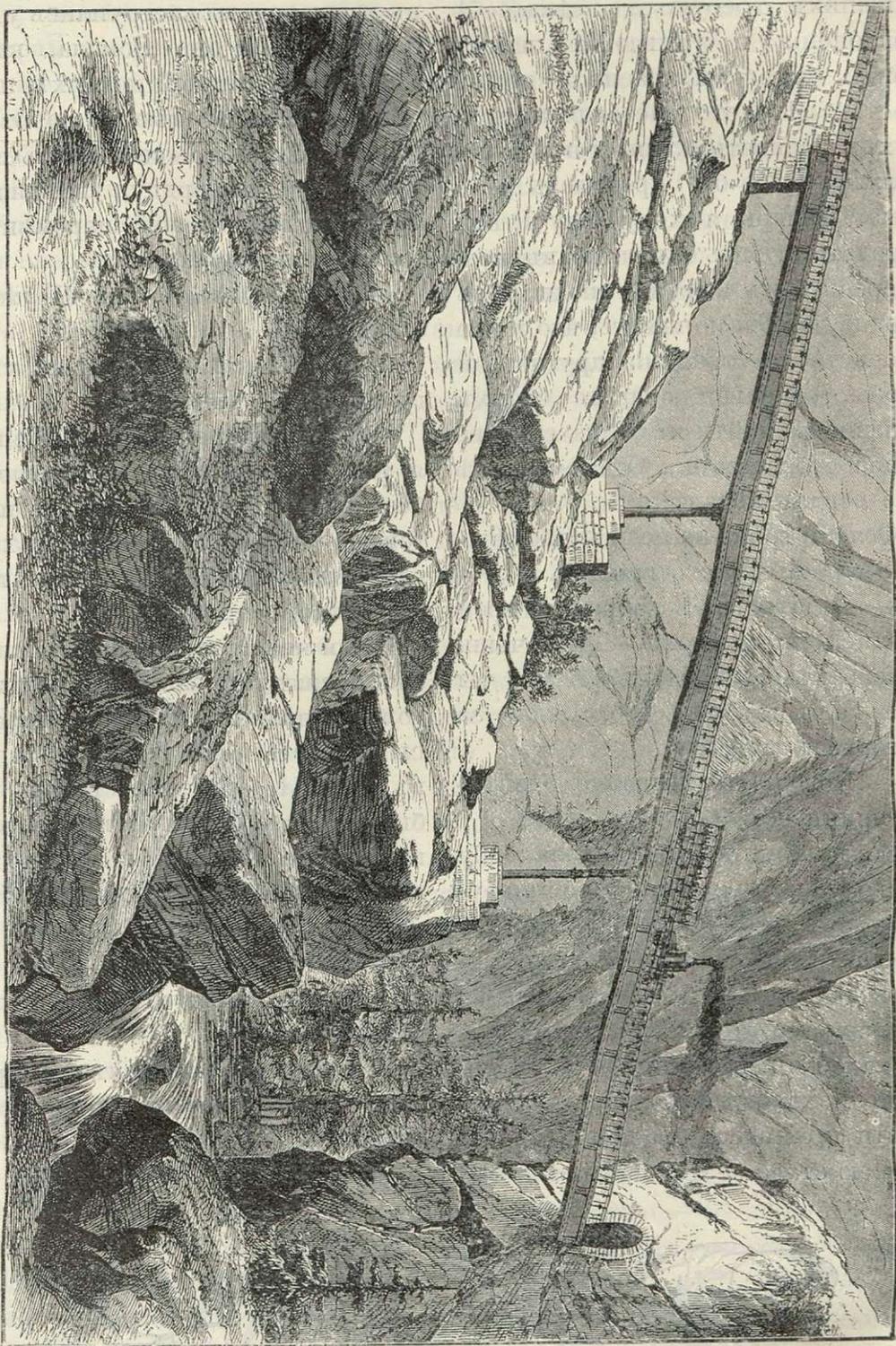
И для нея началась новая жизнь. Она посвятила себя благу другихъ; горе ближняго стало ея горемъ, свое счастье она стала находить въ счастьѣ другихъ. Теперь она была уже некрасива, никто, какъ прежде не любовался ею и не восхищался ея холодной красотой, но всѣ теперь говорили:

— Какая прекрасная у нея душа! Какая доброта свѣтится въ ея глазахъ!

И никто не замѣчалъ ея уродства, а всѣ говорили только объ ея душѣ.

Марія Н.

Горная желѣзная дорога въ Швейцаріи.

ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ.

Повисъ надъ садомъ полдень
жаркій

И зелень липовыхъ вѣтвей
Сплела темнѣющія арки
Въ прохладномъ сумракѣ аллеи.

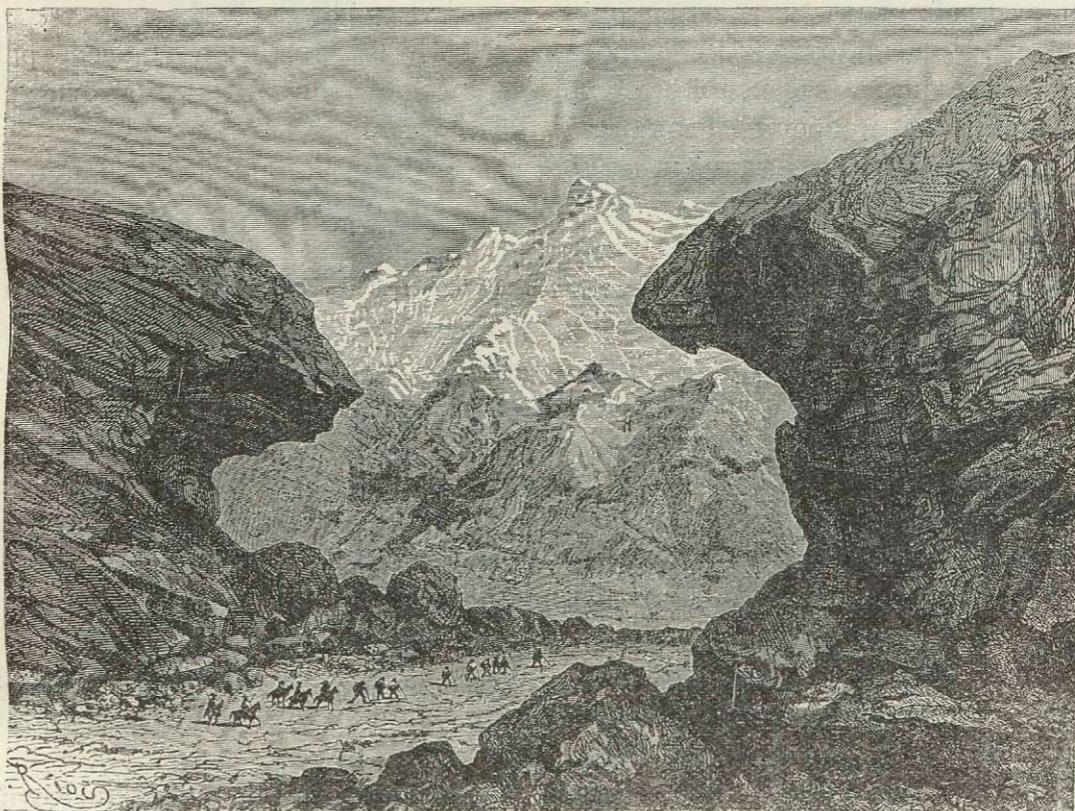
Вотъ виноградъ обвился дикій
И, на траву бросая тѣнь,
Покрывъ, сплетаясь съ повиликой,
Зеленымъ кружевомъ плетень.

Гудятъ шмели въ созрѣвшемъ
хлѣбѣ...

Кричитъ въ болотѣ коростель
И гдѣ-то тамъ, въ высокомъ небѣ,
Выводитъ жаворонокъ трель.

Застыло все въ полдневномъ зноѣ,
Природа будто замерла
И слышно, какъ въ цвѣтахъ левкоя
Жужжитъ работница-пчела.

Е. Селунская.

Ущелье въ Гималайскихъ горахъ въ Азіи.

ТЕТЯ-ДОРА.

(Повѣсть).

Окончаніе.

Начались сборы. Отъ квартиры рѣшили отказаться совсѣмъ. На парадной двери уже былъ вывѣшенъ билетикъ и то и дѣло приходили какіе-то неизвѣстные люди и заглядывали во всѣ закоулки квартиры, желая ее нанять. Это беспокоило Лилу, она хандрила, дулась на нихъ и на себя и ей было досадно, что она такая злая и что не можетъ быть такою-же счастливой, какъ и ея младшія сестры. И часто, отходя къ сторонкѣ, забравшись въ какой-нибудь уголокъ, она искренно сознавала тамъ свою вину и начинала горько плакать. Наплакавшись досыта, она рѣшительно встряхивала своей черненькой головкой и говорила:—

— Нѣтъ, я не буду больше такая! Я непременно исправлюсь! Съ нынѣшняго дня я буду такая-же, какъ и всѣ.

И она начинала работать надъ собой, она забирала себя въ руки и съ каждымъ днемъ, даже съ каждымъ часомъ, становилась все лучше, искреннѣе и нѣжнѣе. Варвара Михайловна не узнавала ея, удивлялась ей, но молчала, ожидая, когда она скажетъ ей о себѣ сама, и боясь своимъ вмѣшатель-

ствомъ нарушить эту созидательную работу Лили.

А Ниночка и Надя все это время висли на тетѣ Дорѣ и упрашивали ее сказать имъ, куда она ихъ везетъ. Она шутила съ ними, скрывала отъ нихъ, но всѣмъ въ домѣ было уже ясно, что она везетъ ихъ на далекій, теплый Югъ, гдѣ у нея есть какая-то двоюродная сестра, у которой она ихъ можетъ надолго пріютить.

Но кто же эта двоюродная сестра? добивалась Ниночка.—Она тоже ходитъ въ очкахъ?

Тетя-Дора только улыбалась и ласково прижимала дѣвочку къ себѣ.

Наконецъ, квартира передана и и новые жильцы сказали, что переѣдутъ въ нее на будущей недѣлѣ.

— Куда-же теперь дѣвать всю мебель? вдругъ спросила Варвара Михайловна такимъ тономъ, точно этотъ вопросъ о мебели только теперь и пришелъ ей въ голову.

— Какъ куда? отвѣтила тетя Дора.—Позвать мебельщиковъ и старьевщиковъ, да всю ее имъ и продать!

— А какъ-же мы будемъ потомъ?

— Да такъ и будемъ! На выру-

ченныя деньги всегда успѣемъ купить другую!

Варваръ Михайловнѣ показался страннымъ такой отвѣтъ, но она тоже уже привыкла вѣрить своей кузинѣ и такъ на нее полагалась, что болѣе уже не возражала и нисколько не удивилась, когда въ комнаты вошли скучники и, громко топая сапогами, стали выносить изъ квартиры мебель. Для дѣвочекъ все это было ново, онѣ съ любопытствомъ и не безъ удоволь-

— Я непременно исправлюсь!

ствія смотрѣли, какъ все пустѣла и пустѣла ихъ квартира, и когда, наконецъ, было вынесено все и остались одни только чемоданы и сундуки, приготовленные для предстоящей поѣздки, то стало вдругъ такъ просторно, что онѣ взялись за руки и стали танцевать. Тетя Дора въ своихъ истоптанныхъ башмакахъ тоже пустилась въ плясъ, всѣ три дѣвочки повисли на ней и было какъ-то странно видѣть, что и строптивая когда-то Лиля

тоже принимала участіе въ общей игрѣ. А тетя ни однимъ намекомъ не высказала ей своего удивленія, ни однимъ жестомъ не показала ей, что замѣтила происшедшую въ ней переменѣ, и Лиля поняла эту ея деликатность, оцѣнила ее и въ первый разъ за все пребываніе тети въ Петербургѣ бросилась къ ней на шею и поцѣловала ее въ губы. Это удивило даже обѣихъ ея сестеръ. Но онѣ тоже смолчали и теперь для всѣхъ было ясно, что что-то такое неприятное уже миновало, что оно гдѣ-то осталось тамъ, позади, и уже больше не вернется никогда, и что теперь передъ всѣми открывается новая жизнь, полная неизвѣстности и интереса. Одну только Варвару Михайловну смущала предстоящая поѣздка. Она никогда не ѣздила такъ далеко отъ Петербурга, но мысль, что она будетъ ближе къ своему мужу и что пребываніе на Югѣ будетъ здоровѣе и для нея самой, и для ея дѣтей, успокаивала ее и даже, какъ маленькую, приводила въ восторгъ.

— „Только въ чемъ вотъ поѣдетъ кузина?“ думала она съ безпокойствомъ.— „Ѣдемъ такъ далеко, а у нея нѣтъ даже приличнаго платья. И шляпки тоже нѣтъ. Развѣ предложить ей мои?“

И съ неловкостью, присущей всѣмъ деликатнымъ людямъ, она предложила тетѣ Дорѣ одно изъ своихъ платьевъ и лишнюю шляпку.

Къ ея удивленію, тетьа охотно ихъ приняла, стала тотчасъ-же выпускать рубцы и часа черезъ два стояла уже въ новомъ костюмѣ.

— Ну что? спрашивала она.— Хорошо?

Дѣвочки суетились вокругъ нея, удивлялись тому, какъ она ловко

— Ну, что? спрашивала она.— Хорошо?

пригнала на свою фигуру мамино платье, а маленькая Ниночка всплеливала отъ удовольствія руками и говорила:—

— Какая ты, тетьа, въ этомъ платьѣ хорошенькая! Вотъ только бы не эти твои противные очки. А то въ нихъ ты такая не-хорошенькая!..

Всѣ громко засмѣялись, Ниночка сконфузилась и отошла отъ тети, а затѣмъ стали собираться на вокзалъ.

Поѣздъ отходилъ ночью, въ двѣ-

надцатомъ часу. Въ обыкновенное время дѣвочки въ эту пору давно-бы уже спали, но новизна положенія и обстановка возбуждали ихъ такъ, что онѣ вовсе не чувствовали усталости и держались даже бодрѣе, чѣмъ большія. Шумный вокзалъ, на которомъ они не бывали еще ни разу въ жизни, толпы народа, крики носильщиковъ, гудѣнье локомотивовъ и шипѣніе большихъ круглыхъ электрическихъ фонарей приводили ихъ въ восторгъ.

Но вотъ наконецъ онѣ въ вагонѣ. Онѣ ѣдутъ въ третьемъ классѣ. Когда мама и тетьа-Дора поднимаютъ верхнія лавки и устраиваютъ на нихъ постельки для дѣтей, то Ниночкѣ такъ и кажется, что ее обидятъ и положить не наверхъ, гдѣ такъ должно быть весело и забавно, а непременно внизъ. Но ихъ всѣхъ троихъ укладываютъ наверхъ. Лиля занимаетъ, какъ большая, цѣлую лавку одна, а Ниночку и Надю кладутъ обѣихъ рядомъ, головами врозь и ногами вмѣстѣ. Мама и тетьа—Дора устраиваются внизу.

— Мы точно сардинки въ коробкѣ... говоритъ Надя.— Хвостами въ разныя стороны!

Дѣвочки прыскаютъ, еще долго возятся и пересмѣшничаютъ у себя наверху, но когда, наконецъ, поѣздъ трогается и вагонъ чуть замѣтно начинаетъ покачиваться изъ стороны въ сторону, то у нихъ

начинають слипаться глаза, усталость беретъ свое и онѣ засыпають на новомъ мѣстѣ крѣпкимъ счастливымъ сномъ. Варвара Михайловна лежитъ внизу съ закрытыми глазами, но не спитъ. Ее беспокоитъ неизвѣстность будущаго и сердце ея наполняется тревогой: хорошо-ли она сдѣлала, что поѣхала такъ далеко? Не вернуться-ли ей съ первой-же большой остановки обратно въ Петербургъ? Но сдѣланнаго нельзя уже было воротить и она еще крѣпче сжимала вѣками глаза, старалась не думать о будущемъ и мысленно шептала:

— Господи, помоги намъ! Да будетъ воля Твоя!

А мимо мелькали станціи, вагоны, зеленые и бѣлые фонари. Дѣти слышали сквозь сонъ, какъ поѣздъ гдѣ-то останавливался въ пути, какъ раздавались за стѣной чьи-то шаги и голоса, какъ кто-то почти у самаго ихъ окна кому то кричалъ:

— „Готово?“ и какъ кто-то другой издалека отвѣчалъ:— „Готово!“ Затѣмъ звонили звонки, локомотивъ гудѣлъ и поѣздъ снова отправлялся въ путь.

— Тра-та-та та, тра-та та та!.. казалось, гремѣли колеса.

Но вотъ уже и утро. Яркое солнце освѣщаетъ поля, лѣса, дачки, села и деревни. Дѣвочки просыпаются, протирають глаза и съ любопытствомъ выглядываютъ въ

окно. Гдѣ онѣ теперь? Неужели онѣ ѣхали всю ночь? Мама и тетя-Дора уже встали и привели себя въ порядокъ. У мамы—усталое отъ бессонницы лицо. Затѣмъ дѣвочки сползають со своихъ чердаковъ внизъ и ихъ ведутъ умываться?

— Какъ? спрашиваетъ съ удивленіемъ Ниночка. — Умываться? Развѣ въ вагонѣ есть гдѣ умываться? А я думала, что всю дорогу мы такъ и будемъ ѣхать не умываясь!

Но вотъ умыванье кончилось; дѣвочки причесаны, постели убраны, верхнія лавки спущены внизъ и теперь начинается самая интересная вещь: проводникъ запасся на послѣдней станціи кипяткомъ, принесъ имъ цѣлый громадный чайникъ и у нихъ начинается чаепитіе. Господи, какъ это интересно! Тетя-Дора чиститъ крутые яйца, мама намазываетъ на булку масло и развернула ветчину, кругомъ тѣсно, крошки отъ хлѣба, мятые бумажки и грозящая опасность, что вотъ-вотъ какая-нибудь изъ дѣвочекъ опрокинетъ въ тѣснотѣ стаканы и выльетъ чай себѣ на колѣни. Но все проходитъ благополучно, дѣти пьютъ чай, ѣдятъ бутерброды и имъ кажется, что вкуснѣе этого они не ѣли никогда и что если-бы ихъ дорога протянулась еще на цѣлые мѣсяцы впередъ или даже не кончилась-бы для нихъ никогда, то они ничего

противъ этого не имѣли-бы и радовались-бы, что такъ случилось.

Но вотъ ужъ и Москва, вотъ пересадка въ другой поѣздъ, вотъ Тула, Орель, Курскъ, Харьковъ, а вотъ ужъ виднѣется вдалекѣ и тотъ южный городокъ, куда везетъ нашихъ сѣверянокъ Тетя-Дора. Дѣвочки смотрятъ на него во всѣ глаза, онъ придвигается къ нимъ все ближе и ближе и онѣ могутъ уже различить въ немъ и соборную колокольню, и постройки, и узкую полосу моря, едва замѣтной линіей сливающуюся на горизонтѣ съ небомъ.

Раздается свистокъ, поѣздъ въѣзжаетъ въ крытую платформу вокзала и останавливается. Путь конченъ. Двѣ тысячи верстъ остались позади.

— Приѣхали! говоритъ тетя-Дора.

Онѣ собираютъ свои пожитки, суетятся и выходятъ изъ вагона.

Теплымъ, южнымъ вѣтеркомъ имъ вѣетъ въ лицо и въ воздухѣ чувствуется совсѣмъ не то, что въ Петербургѣ. Около вокзала растутъ высокіе пирамидальные тополи, цвѣтутъ бѣлыя акаціи и ихъ цвѣты наполняютъ воздухъ своимъ сладкимъ, душистымъ ароматомъ.

У выхода изъ вокзала путницъ ожидаетъ роскошный экипажъ. При видѣ тети-Доры кучеръ почтительно снимаетъ передъ ней шляпу и лицо его ослабляется въ радостную улыбку. Но очки ея приводятъ его въ недоумѣніе, котораго

онъ не можетъ скрыть. Это не ускользаетъ отъ вниманія дѣтей.

Всѣ усаживаются въ экипажъ, размѣщаютъ въ немъ узелки и узелочки и ѣдутъ въ городъ.

Всѣ усаживаются въ экипажъ и ѣдутъ.

— Туда прикажете, барышня? обращается къ тетѣ-Дорѣ кучеръ.

— Да, „туда“, Григорій, отвѣчаетъ она ему и вдругъ спохватывается, что чуть было не проговорила, назвавши его по имени.

Но это проходитъ незамѣтно. Длинные, широкія улицы, обсаженные аллеями изъ бѣлыхъ акацій и тополей, густой запахъ отъ цвѣтовъ, ярко-синее небо и какая-то нѣжащая, сухая теплота отвлекаютъ вниманіе моихъ путницъ.

Какъ разъ противъ дома тети-Доры расположена лучшая гостиница въ городѣ „Европа“. Прямо къ ней и подъѣхалъ экипажъ. Когда изъ него вышла Варвара Михайловна и вслѣдъ за нею спрыг-

нули дѣти, то имъ было странно и ново подниматься по ея широкой лѣстницѣ, устланной коврами и уставленной большими тропическими растеніями.

— Мы поселимся здѣсь не надолго, предупредила тетя-Дора Варвару Михайловну, — пока я по-видаюсь и переговорю съ моей двоюродной сестрой!

Варварѣ Михайловнѣ показались странными эти ея слова. Неужели она привезла ихъ сюда, не списавшись заранѣе со своей родственницей и тѣмъ обрекая ихъ на жизнь въ гостинницѣ и на излишнія траты за наемъ номера и за столъ. Но номеръ давно уже былъ для нихъ нанятъ и когда онѣ вошли въ него, то ихъ уже поджидалъ въ немъ отлично сервированный обѣдъ. Это опять смутило Варвару Михайловну, но новизна обстановки и восторгъ дѣтей подѣйствовали и на нее, она успокоилась и принялась за распаковку вещей.

— Все равно!.. говорила она себѣ. — Хоть разъ въ жизни не думать ни о чемъ!

Тетя-Дора скоро ушла.

Насталъ вечеръ, тихій, теплый, ароматный. Изъ ближайшаго городского сада полились звуки музыки и дѣтямъ вдругъ захотѣлось побѣгать, пошалить, попрыгать по травѣ. Но этого сдѣлать было теперь невозможно, мама ихъ устала и легла отдохнуть, тетя-Дора все еще не возвращалась и онѣ, всѣ

трое, открыли на улицу окошко и стали въ него смотрѣть.

Вотъ передъ ними чей-то красивый домъ. Весь дворъ усыпанъ пескомъ. Около дома — большой тѣнистый садъ... Вотъ хорошо-бы въ этомъ саду побѣгать! Какой-то человекъ, похожій на того кучера Григорія, который привезъ ихъ сюда съ вокзала, прохаживаетъ по этому двору дорогихъ лошадей? И лошади точь-въ-точь такія-же, на какихъ онѣ пріѣхали сюда. Несомнѣнно, что домъ долго не провѣтривался и въ немъ давно уже не отворяли оконъ, потому что дѣвочкамъ видно теперь, какъ кто-то перебѣгаетъ отъ окна къ окну и широко ихъ распахиваетъ настежь.

— Смотрите! вдругъ указываетъ Ниночка. — Какъ та горничная похожа на нашу тетю! Такая-же высокая, какъ и она!

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Лиля. — У нашей тети темные очки, а эта горничная вовсе безъ очковъ!

Проходятъ часъ, другой, а дѣти все сидятъ на подоконникѣ и глядятъ на сосѣдній домъ. Спускается ночь, затихаетъ городской шумъ и звуки музыки изъ сада становятся все слышнѣе и слышнѣе. Окно открыто настежь и никто не гонитъ дѣвочекъ отъ него и не говоритъ, что сыро, холодно и что пора его закрыть, такъ какъ вечеромъ можно простудиться. И сами дѣвочки не чувствуютъ тѣхъ сырости и озноба, къ которымъ онѣ

привыкли въ Петербургѣ по вечерамъ.

— Хорошо путешествовать! вдругъ нарушаетъ молчаніе Надя.—Я путешествовала-бы всю свою жизнь!

Передъ ними чей-то красивый домъ.

— А на какія деньги? спрашиваетъ Лиля.—Папа уѣхалъ далеко, а у мамы нѣтъ ничего.

— Я попрошу взаймы у тети-Доры. Она мнѣ дастъ!

— У тети-Доры и у самой-то нѣтъ ничего! Развѣ ты не видѣла, какіе у ней башмаки?

Дѣвочки глубоко вздохнули и наступило долгое молчаніе, длившееся чуть не цѣлыя четверть часа.

Вошла тетя-Дора съ пакетиками въ рукахъ. Она принесла свѣжихъ плюшекъ и конфектъ. Принялись пить чай.

— Уфъ, устала! сказала она.—Насилу отыскала свою двоюродную сестру! Завтра мы переѣзжаемъ къ ней! Все время помогала ей провѣтривать домъ и устраивать для васъ квартиру!

Въ другое время дѣти примѣтили-бы эти ея слова и сопоставили-бы ихъ съ тѣмъ, что онѣ видѣли изъ окна, но теперь усталость смыкала имъ глаза, онѣ наскоро отпили свой чай, простились съ мамой и тетей-Дорой, раздѣлись, умылись и побѣжали за перегородку спать.

Варвара Михайловна легла на кровать вмѣстѣ съ дѣтьми, а тетя-Дора улеглась на диванѣ у круглаго стола.

— Спице крѣпче! сказала она.—Ложитесь въ постель! А мнѣ завтра надо рано вставать и бѣжать къ своей двоюродной сестрѣ, такъ мнѣ будетъ хорошо и на этомъ диванѣ!

И весь номеръ погрузился въ глубокой сонъ. По прежнему въ городскомъ саду играла музыка и ея стройные звуки вливались въ открытое на всю ночь окно.

Когда на слѣдующее утро дѣвочки проснулись и въ однихъ рубашонкахъ выскочили изъ своей спальни въ большую комнату, то тети-Доры уже не было дома. Она встала раньше всѣхъ и куда-то ушла. Вмѣсто нея на столѣ лежала записка. Лиля схватила ее и всей гурьбой дѣти вбѣжали за перегородку къ матери.

— Мама, мама! закричали они.—

Тетя-Дора ушла и оставила тебѣ записку!

Варвара Михайловна еще была въ постели. Она взяла отъ дочери записку, привстала и съ безпокойствомъ ее пробѣжала. Ужъ не случилось-ли чего-нибудь дурного!? А затѣмъ она успокоилась и громко прочитала:—

„Я отправляюсь сейчасъ къ своей двоюродной сестрѣ. Немедленно и вы всѣ, какъ только проснетесь, отправляйтесь къ ней-же. Она живетъ на Александровской улицѣ въ домѣ № 98. Тамъ приготовлена для васъ квартира и я васъ тамъ встрѣчу. Не задерживайтесь-же и приходите скорѣй. За багажомъ пришлемъ послѣ. Не опоздайте къ утреннему чаю. Дора“.

Тотчасъ-же всѣ принялись одѣваться. Дѣвочки засуетились, заспѣшили, Варвара Михайловна заспѣшила и сама, боясь, какъ-бы не опоздать къ утреннему чаю и не заставить чужую даму ожидать, позабыли въ торопяхъ, гдѣ что лежитъ. Долго провозились съ корзиной, будучи не въ силахъ развязать на ней веревку и открыть. Позвали коридорнаго.

— Все-таки въ чужой домъ отправляемся, говорила Варвара Михайловна, — надо получше приодѣться. Ниночка, Надя! Надѣвайте розовыя кисейныя платья! Лиля ты надѣнешь на себя голубое платье и черныя чулки! Да, пожалуйста, держите тамъ себя прилично и не

суйте пальцевъ въ носы! Не забудьте захватить съ собою носовыя платки! Ниночка, ты надѣла на себя шляпу задомъ напередъ! Лиля поправь ей, ты старшая сестра!

И долго еще онѣ суматошилились и собирались. Когда-же онѣ были наконецъ готовы и вышли на улицу, чтобы нанять извозчика и ѣхать къ своей новой квартирной хозяйкѣ, то былъ уже одиннадцатый часъ. Было жарко, на ярко-синемъ небѣ не было ни облачка и повсюду стоялъ запахъ отъ цвѣтущихъ ака-

Надя надавила пуговку у звонка.

цій и какихъ-то еще другихъ, невѣдомыхъ цвѣтовъ.

— Извозчикъ! обратилась Варвара Михайловна къ стоявшему у крыльца гостиницы возницѣ. — На Александровскую улицу!

Извозчикъ измѣрилъ ея полунасмѣшливымъ, полу-недоумѣвающимъ взглядомъ.

— А мы-то, барыня, спросилъ онъ,—сейчасъ на какой? Это—Александровская улица и есть!

Варвара Михайловна усмѣхнулась.

— Ну, мы—пріѣзжія, сказала она,—гдѣ ужъ намъ тутъ знать всѣ ваши улицы? А не знаешь-ли ты, гдѣ домъ № 98?

Извозчикъ указаль кнутомъ на-противъ.

— Да вотъ онъ! сказалъ онъ.

Это былъ тотъ самый домъ, въ которомъ вчера провѣтривались окна и по двору котораго кучеръ, похожій на Григорія, прохаживаль лошадей. Дѣвочки переглянулись между собой и не сказали ни слова.

Варвара Михайловна подвела ихъ къ крыльцу дома № 98 и почувствовала себя нѣсколько неловко. Зачѣмъ тетя-Дора наняла для нихъ такое роскошное помѣщеніе? Развѣ нельзя было-бы подыскать что-нибудь попроче и подешевле?

Надя надавила пуговку у звонка. По ту сторону послышались шаги и имъ отворила дверь та-же самая старушка, которая когда-то отворяла дверь и ихъ отцу, когда онъ проѣзжалъ черезъ этотъ городъ.

— Пожалуйте! ласково сказала она.—Мы васъ уже давно поджидаемъ.

Онѣ робко вошли въ незнако-

мый домъ. Все кругомъ было роскошно, висѣли дорогія картины, были разостланы дорогіе ковры и разставлена атласная мебель.

— Доложите барынѣ, что мы пришли, обратилась Варвара Михайловна къ старушкѣ-нянѣ.— Она знаетъ, кто мы... Мы пріѣхали изъ Петербурга... Она уже предупреждена.

Няня съ благодушной, старческой улыбкой поглядѣла на нихъ и такъ-же ласково отвѣтила:

— Слушаю... Сейчасъ доложу-сь... Онѣ будутъ очень рады васъ видѣть у себя!

Сейчасъ должна появиться незнакомая дама. Судя по обстановкѣ и по богатству дома, это должна быть навѣрное какая-нибудь важная барыня, которая будетъ разговаривать съ ними высокомѣрно или во всякомъ случаѣ снисходительнымъ тономъ. Но что если это какая-нибудь старуха, съ трясущейся головой, въ большомъ кружевномъ чепцѣ и буклями на вискахъ, какъ это дѣти не разъ видѣли на картинкахъ?

— Мама, мнѣ страшно! сказала вдругъ Ниночка.—Уйдемъ отсюда поскорѣ!

Варвара Михайловна хотѣла ей что-то сказать, но въ это время за портьерой послышались шаги и всѣ притихли.

— Хозяйка идетъ! вдругъ услышали онѣ позади себя голосъ старушки-няни.

Портьера зашевелилась, приподнялась и въ ней показалась... сама тетя-Дора.—Теперь она была ужъ безъ очковъ, на ней былъ дорогой модный костюмъ и на ея ножкахъ были нарядныя туфельки. Ее трудно было узнать, но дѣти уже привыкли къ ней и

Портьера зашевелилась...

сразу-же догадались, что это была она.

— Тетя! воскликнули они.—Дорогая тетя Дора!

И имъ было пріятно, что это была именно она, а не та старая дама, появленія которой они ожидали и которую они изобрѣли въ своей фантазіи.

Она бросилась къ нимъ, схватила ихъ на руки всѣхъ троихъ,

прижала ихъ къ своему сердцу и стала ихъ горячо ласкать.

— Теперь вы всѣ мои, говорила она.—Теперь я не отдамъ васъ никому!

Дѣвочки прижимались къ ней, цѣловали ее, а затѣмъ вмѣстѣ съ нею бросились бѣгать по всѣмъ комнатамъ, изъ комнатъ выбѣжали на дворъ и въ садъ, долго бѣгали по его аллеямъ и только часъ спустя, веселыя и раскраснѣвшіяся возвратились обратно въ домъ. Ожидавшій ихъ чай давно ужъ простылъ и нужно было опять подогрѣвать самоваръ. У стола сидѣла Варвара Михайловна и, казалось, сразу помолодѣла на нѣсколько лѣтъ.

— Что-же это, вы, кузина, такъ хитро насъ провели? обратилась она къ тетѣ-Дорѣ, которая раскраснѣлась отъ жары и отъ бѣганья съ дѣтьми и тоже была весела и довольна, какъ мотылекъ.

Тетя-Дора виновато опустила глаза.

— Простите мнѣ эту маленькую шалость, сказала она.—Я вовсе не хотѣла васъ обмануть. Но мнѣ казалось, что если-бы вы знали, что я не нуждаюсь ни въ чемъ, то не полюбили-бы меня такою, какою я есть на дѣлѣ. А я привязалась къ вамъ такъ, какъ къ своимъ роднымъ. Оставайтесь у меня совсѣмъ и живите со мною всегда!

Варвара Михайловна подошла къ ней и молча поцѣловала ее въ

любовь. Она не сказала ничего, но этот поцѣлуй значилъ для тети-

Дѣвочки прижались къ ней.

Доры больше, чѣмъ всѣ слова на свѣтѣ. Она поняла его и оцѣнила и поняла именно такъ, какъ того хотѣла ея старшая кузина: и сама Варвара Михайловна, и ея дочери полюбили тетю-Дору отъ всей души, но не зато, что она имѣла вокругъ себя, а зато, что было у нея внутри: за ея доброе сердце и широкую отзывчивость души.

А когда послѣ завтрака вышли снова въ садъ, то Лиля выждала, когда тетя осталась одна, и бросилась къ ней на шею.

— Тетя-Дора, сказала она,—обними меня и поцѣлуй! Я была очень виновата передъ тобой! Прости меня!

Тетя-Дора взяла ея черненькую кудрявую головку и крѣпко прижала къ своей груди. Затѣмъ, обнявшись, обѣ отправились въ дальнюю аллею, откуда слышалось веселое щебетанье Ниночки и Нади.

Поздно ночью кто-то громко дернулъ къ дворнику въ звонокъ. Варвара Михайловна и тетя-Дора еще не спали и вели между собою разговоръ.

— Телеграмма! сказала няня и встревоженно посмотрѣла на свою хозяйку.

Тетя-Дора росписалась, распечатала телеграмму, прочла ее и протянула ее къ своей кузинѣ.

— Это касается васъ! сказала она.

Варвара Михайловна взяла у нея изъ рукъ телеграмму и разволновалась. Но съ перваго же взгляда на нее успокоилась и лицо ея просвѣтлѣло.

„Завтра приѣду почтовымъ. Жажду васъ увидѣть и обнять“.

Это телеграфировалъ Варварѣ Павловнѣ ея мужъ.

— Ну, вотъ и слава Богу! сказала старушка няня и широко

Тетя-Дора взяла ея черненькую головку и крѣпко прижала къ своей груди.

перекрестилась.—Теперь и вы будете всѣ въ сборѣ, да и нашей

Доружкѣ будетъ веселѣй! Давно-бы такъ! А то жили всѣ по разнымъ угламъ, какъ, извините, пауки!

И все еще широко крестясь, она вышла изъ гостиной.

А обѣ кузины еще долго просидѣли вмѣстѣ и мечтали о томъ, какъ онѣ будутъ жить подъ одной кровлей и не разстанутся больше никогда.

М. Ф.

КОНЕЦЪ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Изъ слѣдующихъ слоговъ составить четыре строки извѣстнаго стихотворенія Пушкина:

Ка, бо, птиц, да, етъ, етъ, не, ни, хло, дол, зна, го, во, ты, да, за, жія, ва, го, бо, тру, гнѣз, на, сви, ни, тли, вѣч, не, по.

II.

Названія губернскаго и уѣзднаго городовъ одной и той-же губерніи поставлены рядомъ и содержатъ въ себѣ, оба вмѣстѣ, пятнадцать буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15.

Буквы—10. 11. 12. 15 означаютъ то, что грѣтъ птицу, 5. 6. 4. 7. 6—то, что даетъ блескъ, 3. 11. 1. 4. 6.—то, съ чѣмъ ходятъ въ школу, 14. 13. 7. 4. 15,—то, изъ чего дѣлаютъ свѣчи, 7. 13. 9. 2. 4. 6—птицу, которая любитъ воровать блестящіе предметы, и 3. 8. 9. 10. 15—предметъ необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ.

Отгадать задуманныя слова и названія городовъ.

III.

„Когда мы ѣхали отъ станціи на дачу, то у насъ съ тарантаса соскочило.....; нашъ ямщикъ, никакъ не могъ справиться одинъ и побѣжалъ въ ближайшее.... звать мужиковъ; но всѣ они были на работѣ и онъ никого изъ нихъ не засталъ....; пришлось ему справляться съ тарантасомъ одному“.

Вставить на мѣста точекъ пропущенныя слова, взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ то, что было у насъ въ ногахъ, когда мы сидѣли въ тарантасѣ.

IV.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Маленькій домикъ въ саду.
- 2) Крытый экипажъ,
- 3) Насѣкомое.

Взять отъ перваго изъ этихъ словъ первый слогъ, отъ втораго второй и отъ третьяго-третій и составить изъ этихъ слоговъ но-

вое слово, которое означаетъ названіе дерева.

Найти задуманныя слова и это новое слово.

V.

Если къ тому, что вбиваютъ въ землю, прибавить то, что гложутъ собаки, то получится то, что обижаетъ человѣка.

Что это такое?

VI.

Если къ тому, что выбрасываютъ изъ дома, приставить названіе большой русской рѣки, то получится птица.

Какая это птица?

VII.

Задуманы слова, означающія:

- 1) большой круглый овощъ.
- 2) мѣсто, гдѣ продаютъ разные товары.
- 3) Хвойное дерево.
- 4) Душистый цвѣтокъ.
- 5) Очень вкусную закуску.
- 6) Домашняго грызуна, который все портить.
- 7) Большую перелетную птицу.

Первыя буквы всѣхъ этихъ словъ должны составить собою названіе страны свѣта.

Какія это слова и какая страна свѣта?

VIII.

Названіе какихъ пищевыхъ продуктовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

- 1) Настала весна; снѣга растаяли

и сбѣжали съ горъ; охотники уже огласили воздухъ своими выстрѣлами; скоро появится трава.

2) У нашего дома сломало вѣтромъ часть крыши.

3) Каждый огурецъ долженъ быть солонъ, иначе это уже не соленый огурецъ, а моченый.

4) Древній городъ Москва съ самыхъ раннихъ поръ привлекалъ къ себѣ вниманіе русскихъ людей.

5) Весь вашъ диванъ полинялъ на солнцѣ; въ чехлѣ-бы онъ былъ цѣлѣе.

6) Время собираться въ путь! Начинайте укладываться!

7) Въ имѣніи у нашего земскаго предсѣдателя тина весь прудъ затянула и всѣ берега заросли травой.

8) На самомъ берегу, у рѣки, сельцо стояло.

9) Вотъ тебѣ перегонный кубъ, вотъ тебѣ трубочки и колба; садись и принимайся за химическіе опыты!

10) Дѣти ѣли фрукты и оставили послѣ себя много корокъ отъ апельсиновъ.

11) У колеса лопнула шина.

12) Мимо локомотива проходили крестьяне и съ любопытствомъ на него поглядывали.

IX.

Даны три слова:

- 1) — уки — = то, изъ чего шьютъ одежду.

2) — удк — = мѣсто, гдѣ прячется отъ дождя часовой.

3) — рыс — = домашній грызунъ.

На мѣстахъ черточекъ поставить буквы такъ, чтобы первая и послѣднія буквы каждаго изъ этихъ словъ составили собою слоги. Всего, слѣдовательно, выйдетъ три слога. Изъ этихъ слоговъ составить новое слово, которое означаетъ друга человѣка.

X.

Почему доносится до насъ изъ

далека лай собакъ, когда мы подъѣзжаемъ къ деревнѣ, и отчего онѣ, заслышавъ наше приближеніе, съ яростью бросаются на насъ съ грознымъ лаемъ?

XI.

Почему теперь ходятъ въ цилиндрахъ, тогда какъ въ XVIII в. ходили въ треуголкахъ, и зачѣмъ теперь живутъ на пятыхъ этажахъ, тогда какъ въ деревняхъ живутъ только въ одноэтажныхъ избахъ?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 11, помѣщенныхъ въ № 13 „Золотого Дѣтства“.

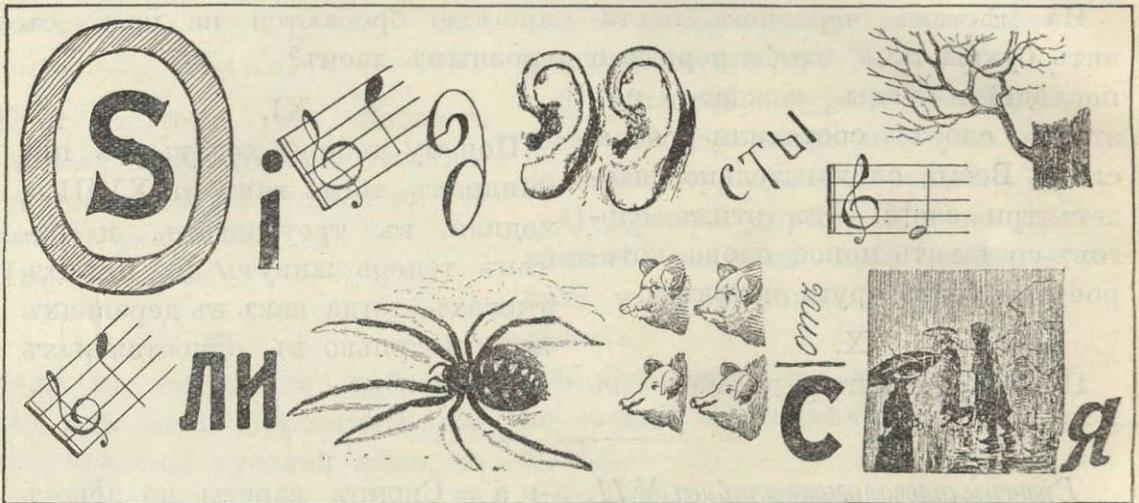
Головоломки: 1) **В**есл**О**; **Р**ебр**О**, **Н**ор**А**; задумано—Ворона. II.) **Б**Утылка, ко**М**ары, нава**Г**А; задумано—бумага. III.) о**С**А, ма**М**А, иг**Р**А; задумано—Самара. IV.) Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ, въ немъ винограда кисти рдѣлись. V.) Математика, магнитъ, томатъ, макака, графитъ, факиръ, татаринъ, фракъ, ароматъ, гитара. Задуманное слово—Кинематографъ. VI.) Г + олово + ломъ + ка = головоломка. VII.) **К**арманъ + тина = картица. VIII.) Тумба — Батумъ. IX.) **Г**алк**А**, **З**имовъ**Е**, **Т**руба = Газета. X.) **С**ал**О**, Булк**А**, Крыс**А** = собака. XI.) **К**орона, **Р**ыло, **Т**опоръ = Корыто. XII.) **Л**ыко, **П**оле, **П**ро**С**О = колесо. XIII.) Тише ѣдешь, дальше будешь.

Ребусъ № 11. Скрипка + ре + ты подъ о + рогъ + ѣ на р + уши + ль + п + око + й сто + рожь

+ а = Скрипъ кареты по дорогѣ нарушилъ покой сторожа.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Тania и Оля Беръ изъ Владиміра, Витя Семеновъ въ СПБ., Аня Иванова, Боря Жена и Маргарита Балакшины изъ Кургана, Муса Иванова, Витольдъ Румшевичъ, Митя Ципоркевъ изъ Одессы, Рома Суховъ, Гея Виноградовъ, Лиизеттъ изъ Огульцовъ, Надя Паклина, Шура Ермакова изъ Касимова, Жужу, Ника Григорьевъ, Тания и Шура Горлачевы, ихъ тетя, Ерофей Ивановичъ Яковлевъ и Ванька изъ Грайворона, Петръ Горюховъ, „Золотая Дѣтка“, Зина Сапожкова изъ Каменецъ-Подольска, Сережа Тушканчикъ, Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Тамара Байкова изъ Одессы, Жена Стрекоза, Боря Дзѣвановскій изъ Вороновицы, Ксенія Ванифатьева изъ Екатеринослава, Митя и Котъ Троицкіе изъ Краснокутска, Сережа и Шурикъ Фохты изъ Слонима, Вѣра Крохина изъ Новой Деревни, Тася Нейшильдъ въ СПБ., Оля Воротилова, Викторъ Вальцгеферъ изъ Касимова, Аня Борисоглѣбская изъ Серпухова, Сани Козловскій изъ Хабаровска, Нина Ромашева въ СПБ., Вара Земляницина, Лея Васильева со ст. Пинскъ, Андрюша Федотовъ—донской казачекъ изъ Щучина, Фаня, Нюся и Надя Гальперны изъ Минска, Митя, Валя и Надя Соколовы, Жена Гогейзель изъ Великихъ Лукъ, Нина Ерченко изъ Кіева, А. Марцинкевичъ и Н. Никифорова, Стасюня и Янка Тодеско изъ Гуниба, Маруся и Ваня Лупаковы изъ Пятигорска, Коля Ильинъ въ СПБ., Миша, Коля и Маруся Побѣдимовы, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Владиміръ, Евгений и Георгій Конрады въ СПБ., Лея Наумова въ СПБ., Ангелина Луцкая изъ Ростова на Дону и оч. многіе другіе.

Ребусъ № 13.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 копѣекъ за экземпляръ).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

